

ТАКЕ ІТ ЕАСУ или ХРОНИКИ
ЛЫСОГО АРХИТЕКТОРА

АЛЕКСАНДР ШТЕЙНБЕРГ
ЕЛЕНА МИЩЕНКО

ЧЕРЕЗ АТЛАНТИКУ НА ЭСКАЛАТОРЕ

КНИГА 1

Эта серия книг посвящается архитекторам и художникам — шестидесятникам.

Удивительные приключения главного героя, его путешествия, встречи с крупнейшими архитекторами Украины, России, Франции, Японии, США. Тяготы эмиграции и проблемы русской комьюнити Филадельфии. Жизнь архитектурно-художественной общественности Украины 60-80х годов и Филадельфии 90-2000х годов. Личные проблемы и творческие порывы, зачастую веселые и смешные, а иногда грустные, как сама жизнь. Архитектурные конкурсы на Украине и в Америке. Книгу украшают многочисленные смешные рисунки и оптимизм авторов.

Серия состоит из 15 книг, связанных общими героями и общим сюжетом.

Иллюстрации Александра Штейнберга.

**Александр Штейнберг
Елена Мищенко
ЧЕРЕЗ АТЛАНТИКУ НА
ЭСКАЛАТОРЕ**

STEP BY STEP

*«Тебе бы не картины, начальник,
тебе бы книги писать»*

**Кинофильм «Место встречи
изменить нельзя»**

Не будучи начальниками, мы тем не менее решили воспользоваться советом замечательного актера Евстигнеева, игравшего «вора в законе» Ручечника, отбросили кисти и мастихины, отодвинули мольберты и холсты и взялись за перо, дабы воссоздать хроники одного архитектора. Следует заметить, что хроника — вещь точная, требующая скрупулезного, последовательного описания событий. Мы предались вольному изложению. Поэтому будем начинать сначала, а дальше — как Бог на душу положит.

Первые симптомы увлечения архитектурой появились у нашего героя достаточно рано. Он помнит, как стоял на ступеньках школы номер 25 в городе Киеве и с восторгом любовался изящнейшей

Андреевской церковью великого Растрелли. Лицемерие архитектурных достоинств Андреевской церкви не было у него связано с особыми успехами. Его выгнали с уроков. Его предали остракизму.

Причин было несколько. Во-первых, он не принес табуретку и расположился с другими безлошадными школярами на подоконнике. Во-вторых, он не принес двух полей дров, которые было положено вносить в общий котел два раза в неделю. И, наконец, он не принес чистую бумагу, а опять писал, как и прочие парии, на полях газет и ненужных книг. Шел к концу 1945 год.

И все это ему бы простили, как прощали уже не раз, и не ему одному, но, как назло, в этот день он был дежурным по классу и, стало быть, должен был растопить буржуйку. Печки-буржуйки с трубами, выходящими в окна, стояли в каждом классе. Как их топить, когда на первом уроке предстояло писать контрольную, знал каждый школьник. Класс наполнился жутким слезоточивым дымом, начали искать штрейкбрехера на место нерадивого дежурного. Пока нашли, пока проветрили — прошло пол-урока, контрольная была сорвана, и он был изгнан без права возвращения в этот день.

На улице было холодно. На душе было сумеречно. И вдруг... из-за туч вышло солнце и

заиграло на белоголубых башенках Андреевской церкви, и настроение сразу улучшилось. Он тогда уже преклонялся перед великим и монументальным искусством зодчества.

Он прошел по Десятинной улице на Правительственную площадь. Огромное несуразное здание обкома партии было на ремонте. Пройдя пустырь, где ранее стоял Михайловский Златоверхий Собор, он подошел к мрачному зданию Кубуча. Что означает это название, он не знал. Отец рассказывал, что в студенческие годы он ел в здешней столовой, и, когда доедал тарелку супа, на дне появлялась фиолетовая надпись: «Украдено в Кубуче». За Кубучем начиналось то, куда он так стремился — Владимирская горка, самый любимый парк города. «Пасовать» или «сачковать» уроки здесь было лучше всего, но было холодно, и он решил пойти на стадион «Динамо».

Тем не менее он не мог отказать себе в удовольствии пройти через Владимирскую горку. Павильончики были закрыты, дорожки покрыты снегом, но все равно здесь все было знакомо и красиво. Величественный Владимир вздымал свой крест на фоне неба. Наконец, он вышел на площадь Сталина. Перед ним открылась картина послевоенного разбитого Крещатика лишь с отдельными сохранившимися в его начале домами.

Наш читатель, наверное, недоумекает — чем вызвана эта экскурсия по Киеву и воспоминания детства, и почему все это озаглавлено «от авторов». Объясняется все очень просто. Над нашим рабочим столом висит перспектива — вид на Крещатик со стороны площади Сталина, которая вызывает целый сонм воспоминаний. Эта перспектива виртуозно выполнена акварелью академиком Георгием Павловичем Гольцем в 1945 году, когда проводился заказной конкурс на проект восстановления и реконструкции Крещатика, и подарена отцу нашего героя автором. На перспективе, нарисованной Гольцем, изображены могучие въездные пропилеи и огромная башня, запроектированная на Думской площади.

Американцы, разглядывая эту перспективу, удивленно спрашивают:

— Неужели это Киев? О, это очень старинный город. Он даже чем-то похож на Флоренцию. Вот эта башня напоминает Палаццо Веккио.

— Возможно, Киев даже старше Флоренции, — отвечаем мы. — Но этой башни в Киеве, к сожалению, нет. Ее в 1945 году хотел построить один из лучших наших архитекторов.

И тут начинаются восклицания: Wow! Really? Great!

А мы ударяемся в воспоминания, перебивая друг друга. Воспоминания вызывают бурю эмоций.

Американцы повторяют «Take it easy!», что означает — не переживайте! Относитесь ко всему спокойнее! И мы, поскольку нашему герою придется заниматься воспоминаниями, взяли это за основу при публикации хроник лысого архитектора.

— Почему лысого? При чем здесь прическа? — воскликнет возмущенный читатель.

— Take it easy, дорогой читатель. Во-первых, лысина намекает на определенный возраст, что уже дает право на некоторые воспоминания. Во-вторых, в известной шутке на вопрос «кем лучше быть: лысым или дураком?» отвечают: «Дураком, это не так заметно». Так что лысина дает основания предположить, что герой не лишен определенных умственных способностей.

...Мы идем по центральной улице Филадельфии Маркет-стрит. Нас останавливает удивительная скульптура, изображающая огромный разломанный кусок деревянного бруса с торчащими во все стороны щепками, выполненная в алюминии. Смысл этого сооружения непонятен, да это и не нужно. Главная задача — привлечь внимание прохожих и заставить остановиться. Это вход в самый большой супермаркет Филадельфии под названием «Gallery». Внутри огромное пространство, заполненное большим количеством магазинов, лифтов и эскалаторов.

Возле одного из эскалаторов наше внимание привлек молодой человек лет десяти. Несмотря на его весьма легкомысленный вид, чувствовалось, что когда-нибудь он станет смелым экспериментатором. Он с удивительным упорством пытался подняться вверх по эскалатору, который двигался вниз. Время от времени он преодолевал значительную часть подъема, но вдруг останавливался и опять съезжал вниз. Иногда встречные посетители, едущие обычным путем, не пропускали его и заставляли возвращаться назад. Поэтому он то оказывался уже почти у вершины, то опускался в самый низ.

Воспоминания нашего героя, как мы поняли впоследствии, носят совершенно аналогичный характер. Он, как шестидесятник, начинает свои хроники с конца 50-х и стремительно мчится вверх по шкале времени, пересекая десятилетия к 2000-м годам. Но память такая же упрямая вещь, как и встречные посетители на пути молодого человека. Она возвращает его в 60-е. Он снова поднимается вверх, но опять на какой-то ступеньке останавливается, увлеченный воспоминаниями, связанными с этим временем. И так он все время циркулирует на своем эскалаторе времени, потому что сойти с него невозможно. Нельзя отказаться от начала, от увлекательной, полной воспоминаний, юности, и нельзя перепрыгнуть свое время —

будущее еще не свершилось. И да простит его читатель, ибо каждый из нас, увлекшись своими воспоминаниями и воссоздавая в памяти свои хроники, будет так же, как и он, двигаться вниз и вверх по эскалатору времени без усталости и без определенной последовательности, — такова природа нашей памяти. Этот калейдоскоп и есть наша жизнь.

Что ж, давайте попробуем стать вместе с ним на первую ступеньку эскалатора. 1956 год — год памятный для всех архитекторов, как лысых, так и волосатых.

КАК ЖИТЬ ДАЛЬШЕ БУДЕМ?

Великие беды обрушились на седовласые головы архитектурных мэтров и рядовых архитекторов. Вся страна в едином порыве бросилась на борьбу с архитектурными излишествами и архитекторами, их породившими. Зодчих проклинали за все беды — они оказались основными виновниками жилищного кризиса, а заодно причиной всех прочих неурядиц советской

жизни. Их обзывали «шпилягами», присоединяя к этому различные эпитеты из неформальной лексики.

Никита Сергеевич Хрущев, развернувший эту вакханалию, посетил Киевскую сельхозвыставку — в простонародье «выпердос» (виставка передового досвіду). Он остановился перед павильоном овцеводства, украшенным барельефами и картушами, и под гром аплодисментов и громкий преданный смех собравшихся задал свой исторический вопрос:

— Какой баран запроектировал этот павильон для баранов?

Ольга Ивановна Филатова, добрейшая женщина и в то же время несчастный автор этого проекта, находившаяся в группе сопровождающих, бросилась вон, спасаясь бегством и чуть не получив на полном скаку инфаркт.

Академия архитектуры начала трещать по всем швам. Архитекторы мгновенно забыли, что такое капители, картуши, карнизы, фризy и прочие, отвергнутые общественностью архитектурные шалости. Еще недавно незыблемые авторитеты — Жолтовский, Щусев и Фомин, были преданы анафеме. О Голосове, Леонидове и Весниных вспоминать пока не было велено. Такие имена как Корбюзье и Фрэнк Ллойд Райт несчастные архитекторы вообще боялись произносить,

напуганные недавней кампанией борьбы с космополитизмом.

И вот, на хлябях всей этой неразберихи начал подниматься бледный гриб нового стиля советской архитектуры — оболваненные убогие панельные дома. Что будет дальше — нам было неясно. Шел 1956 год.

ПЕРВЫЙ REPRESENTATIVE (сорок лет спустя)

— А в этом зале вы увидите картины лучших современных русских авангардистов. Я их подготовил для ведущих аукционов — «Сотби», «Кристи» и других. Если у вас появится желание приобрести какие-нибудь картины, то мы с вами можем сделать неплохой дил — это выгодно и для меня, и для вас. Аукционы берут большой процент, и в связи с этим картина, купленная на аукционе, будет стоить значительно дороже.

Я сидел в уголке на диванчике и остался незамеченным. Мистер Питман двигался во главе маленькой группы из шести прилично одетых

пожилых леди и джентльменов, и с большим увлечением вешал им эту лапшу на уши.

— За эти картины многие художники пострадали от существующего в России режима, так как они носят откровенно политический характер, что в значительной мере увеличивает их ценность. Вот, например, холст знаменитого художника Луканина, который называется «Ленин — наш вождь». Посмотрите, как блестяще написано копьё и череп в его руках.

— А почему на картине изображен индеец? — удивилась пожилая дама.

— В этом же и есть весь смысл, как вы не понимаете. Раз его все называют вождь, значит он вроде анахронизма — вождь племени.

— А почему же он в галстуке? — не унималась дотошная дама.

— Это очень остроумно придумал художник — галстук, пиджак, а сверху пончо — облачение индейца. А копьё и череп в руке — очень символичны. Эту картину ему с трудом удалось вывезти из России. Советую о ней подумать. А вот картина популярного художника Тыняева: «Это мне подходит». На ней изображен Хрущев, выбирающий себе туфли у сапожника. Он бьет туфлем по столу. Как вы помните, он так себя повел на ассамблее ООН — снял туфлю и бил ею по столу. Вот он и выбирает себе прочную обувь.

Небольшая стайка любителей живописи прошла мимо меня и двинулась дальше.

Иногда, действительно, выбираешь обувь странным образом», вспомнил я. Однажды я зашел в обувной магазин на Дерибасовской в Одессе. На прилавке лежала роскошная английская туфля. Я спросил стоимость. Цена была весьма приемлемая и размер тоже. «Я беру», — сказал я продавцу. «Это вы говорите за этот туфель? А какой бы вы хотели — правый или левый?» — последовал странный вопрос. «Оба». «Не морочьте мне голову. Вы что, не понимаете, что это для инвалидов? Где это, интересно, вы видели, чтобы классные английские туфли стояли просто так на прилавке!». «Для каких это инвалидов?» «Ясно для каких, у кого одна нога». Оказывается, цена относилась тоже только к одной туфле.

...К этому времени вся компания переместилась к моему триптиху. Тут мистер Питман увидел меня и расплылся в улыбке.

— Это триптих, посвященный одному из самых страшных событий в истории антисемитизма в России — делу Бейлиса. Я думаю, вы слышали о нем. На среднем полотне изображен этот ужасный судебный процесс, а на крайних показан погром. Вы видите слово «погром» — оно по-русски и по-английски произносится одинаково. Бейлис был очень-очень бедный человек.

— А кем он был? — спросил пожилой джентльмен.

— Кем он был, мы сейчас можем спросить у автора, который совершенно неожиданно оказался здесь. Знакомьтесь, пожалуйста. Так кем был знаменитый Бейлис?

— Он был бухгалтером на кирпичном заводе, — прокомментировал я.

— Почему же он был таким очень бедным? — поинтересовался господин в ермолке.

— Зарплату задерживали.

Выплачивали весьма нерегулярно, — произнес я накатанную фразу Александра Ивановича Корейко. — А профсоюз бездействовал.

— Да, да, я об этом слышал, у них и сейчас так делают.

Не видя особого энтузиазма слушателей, мистер Питман перешел к следующему полотну.

— «Три богатыря» — Маркс, Энгельс и Ленин.

— А почему они на лошадях? — не переставали удивляться посетители.

— Это такая символика. Они здесь изображены в сатирической форме трех богатырей из старинной русской легенды. Только в руках у них вместо мечей книги. У Маркса, например, «Капитал».

— А кто это справа, с бородкой и в ермолке? — не унимался правоверный еврей. Мистер Питман опять обернулся ко мне.

— Это Ульянов, он же Владимир Ильич Ленин, он же Алеша Попович, — сказал я, включаясь в игру.

— О'кей! Я, кажется, понял, — сказал догадливый еврей. — Это псевдонимы для конспирации.

В это время посетители переместились в конец зала, где висел холст «Русская баня». В клубах пара прорисовывались обнаженные фигуры. Эта картина несколько оживила приунывшую компанию.

— У вас на всех картинах вожди да члены российского правительства, — не выдержал один из посетителей. — Надеюсь, здесь их уже нет.

— Почему же, — это я подал голос, — вот слева миссис Крупская.

— А кто это? — удивился джентльмен.

— Это герлфренд Алеши Поповича.

Посетители посмотрели на меня с большим сомнением. А мистер Питман даже с укоризной. При этом он дернул себя за нос, что означало крайнее раздражение. Я понял, что лучше удалиться, и прошел в его кабинет. Кабинет мистера Питмана напоминал небольшую районную библиотеку после землетрясения. Он весь был завален книгами, бумагами, папками и прочей канцелярской дребеденью. Над этим хаосом царили две вещи: роскошный компьютер и огромное вращающееся кресло. Произведя капитальные разгрузочно-уборочные работы, я расчистил одно из кресел у стены и уселся в ожидании. Ждать пришлось недолго. Очевидно, посетители оказались бесперспективными, и мистер Питман появился довольно скоро.

— Я очень тяжело работаю, — начал он. — Сегодня спал не более четырех часов.

Я уже привык к этой сентенции. Многие бизнесмены и клерки здесь говорят вместо приветствия «I'm hard working» (я тяжело работаю), даже если они встречаются в рабочее время в увеселительном заведении. Таковы традиции.

По внешнему виду мистера Питмана трудно было судить о его каторжной работе. Он был человеком весьма дородным, с солидным брюшком. Над тремя подбородками сияла круглая физиономия, украшенная завидным румянцем. Он был без пиджака. На белоснежной сорочке кричал яркий легкомысленный галстук с розовыми поросятами. Начал он, как всегда, в атакующем стиле.

— Хочешь, я познакомлю тебя с конгрессменом или даже с сенатором. Ты знаешь имя сенатора от штата Пенсильвания? Чувствую, что нет, а меня он приглашал на ланч. Или, может быть, лучше показать твои работы мэру Филадельфии? У меня есть на него выход. Я думаю, его может заинтересовать серия картин «Наша Филадельфия». Теперь твоя задача держаться за меня. Я тебя сделаю богатым и знаменитым. Твоим именем назовут улицу в Филадельфии или площадь. Ты что больше хочешь?

— Я хочу получить назад свои работы.

— Опять ты за свое. Ты знаешь, чем отличаются русские художники от американских? Чувствую, не знаешь. Русские художники лучше рисуют и komponуют, но совершенно не разбираются в бизнесе. А американские — хуже рисуют, но зато умеют делать деньги. Вот ты типично русский художник.

— Я не русский, я еврей.

— Для нас вы все русские. Шагал — русский художник, Рубинштейн — русский музыкант. Это там у вас, в Советском Союзе, любили изучать родословные. Там мы бы оба были евреями, а здесь я американец, а ты русский.

— Так когда же американский еврей вернет русскому художнику его работы?

— Ты сейчас же изменишь свою точку зрения, как только я тебе скажу потрясающую новость.

— Неужели вы нашли спонсора, который купит мне персональную галерею?

— Даже лучше. Через полчаса сюда придет знаменитый филадельфийский архитектор мистер Бейкон, ты должен был слышать о нем. Тебе следует произвести на него хорошее впечатление. У него будет к тебе интересное предложение, и мы его втроем обсудим. А пока обожди в галерее, у меня небольшой митинг.

Следует сказать, что митинг по-американски — это и собрание, и беседа, и планерка, и летучка, и встреча с друзьями, и, наконец, просто повод, чтобы на время сдохнуть от клиента достаточно вежливым способом. Я прошел в зал, где висели портреты вождей, столь скептически принятые акулами капитализма, уютно устроился на диване и стал вспоминать наше знакомство с мистером Питманом.

HELLO, МИСТЕР ПИТМАН

После завершения одной из выставок галерейщик вручил мне визитку, оставленную для меня одним из посетителей. Я прочитал: «Альберт Эйнштейн».

— Я, конечно, с большим уважением отношусь к памяти великого Бертика, но не настолько, чтобы отправляться на тот свет. Или это однофамилец?

— Нет. Это только название экстравагантного магазина, хозяин которого хотел поговорить с тобой.

Моя супруга позвонила псевдоэйнштейну по указанному телефону, назначила аппойнтмент (встречу), и мы направились в центр города на метро. Выйдя на 15-й стрит, мы пошли по Уолнут-стрит. И тут же начались диковинки. На углу на вентиляционном люке сидел homeless (бездомный) афро-американец и потряхивал бумажным стаканчиком с мелочью. Вызывало удивление его облачение. Он сидел в черном пиджаке, белоснежной рубашке и бабочке.

Когда мы приблизились, он занял басом: «Change! Change!» (мелочь).

— У нас нет мелочи, — не выдержала Леночка.

— Тогда можете дать мне доллары, — не унимался он.

— У нас нет и долларов.

— О'кей, мэ, я согласен на чек.

Когда мы через месяц проходили этот перекресток, мы увидели этого же нищего, но без бабочки. Я не удержался, дал ему квотер (25 центов), но при этом сказал:

— Как ты низко опустился. Ты даже забыл надеть галстук-батерфляй.

А сейчас, расставшись с нищим, так хорошо разбирающимся в финансовых операциях, мы тут же увидели нечто, что не могло не привлечь наше внимание. Это была трехметровая Эйфелева башня, сделанная из детских конструкторов. Возле нее стоял молодой человек в тирольском костюме и вертел шарманку: «О, мой милый Августин, Августин, Августин...» По фасаду шла динамичная надпись «Эйнштейн». Здесь начинались владения мистера Питмана.

Мы вошли в магазин-галерею. В широком тамбуре из коврика торчали спина, глаза и хвост крокодила. Надпись предупреждала: «Не наступи на меня. Мне будет больно». Стараясь не наступить на бедное земноводное, мы прошествовали в зал. Робот, стоящий у входа, сделал приветственный жест рукой и сказал мужественным, чуть-чуть хрипловатым голосом Караченцева:

— How are you? Welcome to Einstein!

— Привет, — ответил я. — На крокодила мы не наступали и вообще вели себя достойно. Нам бы мистера Питмана.

Робот безмолствовал. Мы огляделись. Я никак не мог привыкнуть к этой роскоши (парад излишеств, сказали бы советские интерьерщики). Зал был оформлен под Дикий Запад. Колонны представляли собой деревья, стены — скалы. По контуру зала шла довольно крупная детская железная дорога со всеми необходимыми препятствиями: мостами, переездами, туннелями, акведуками. Туннель проходил под большой распахной лестницей. Плюшевые обезьяны раскачивались на лианах, спускавшихся с потолка. Вокруг колонн размещались терриконы мягких игрушек, возле стен — стеллажи с яркими коробками. Посередине зала был небольшой фонтан с золотыми рыбками и серебряными монетками на дне, оставленными посетителями на память.

Людей было немного. Дети хватали игрушки. Доступ ко всему был открыт. Леночка не выдержала и взяла за лапку большого симпатичного зайца. Тот затрясся, зашелся от хохота, аж повалился на спину. Закончив хохотать, он сообщил нам:

— It's Tickle! (щекотно).

Мы не стали ему возражать и отправились к лифту. Нам преградила путь китаянка в фирменном платье со стандартным вопросом «May I help you?», тут же созвонилась с шефом, проводила нас к лифту и объяснила, что он нас ждет.

Мы поднялись на третий этаж. Мистер Питман ждал нас прямо у лифта. Он был толст, добродушен и улыбчив. На нем был невероятный галстук с пальмой и собакой (в дальнейшем он всегда поражал нас своими галстуками). Он провел нас в кабинет, извинился за беспорядок (если можно было назвать беспорядком этот погром), познакомился, усадил, затем попросил у нас фотографии моих работ, покричал wow и great. После этого он позвонил по телефону, и через пять минут появилась высокая худошавая дама, чья комплекция была полной противоположностью мистеру Питману.

— Это моя жена Сара, — представил он ее. — Сара! Это русский художник, о котором я тебе говорил. Он вовремя пришел к нам, как будто бы почувствовал, что только мы ему можем помочь. Я его сделаю богатым и знаменитым. Ты же знаешь, как я помогаю русским художникам. Что бы они делали без меня? Все приехавшие в Америку русские художники рано или поздно обращаются ко мне.

— Вы давно в Америке? — спросила она.

— Нет, только два года.

— Вы говорите на идиш?

— Нет, не говорим.

— Какой же вы после этого русский художник?

Вопрос был настолько глубокомысленным, что мы не нашли, что ответить.

— Мне нравятся ваши работы, — сказала она, рассматривая фотографии. Покопавшись в кармане, достала стодолларовую купюру и протянула ее мне. — Это вам подарок в знак нашей будущей совместной работы. Где сейчас ваши картины?

— Дома, в Норд-Исте.

— Тогда поехали — посмотрим.

Через 15 минут мы уже мчались по 95-й дороге. Сара была за рулем. Мистер Питман живописал нам наше совместное будущее в розовом свете.

День был воскресный, так что запарковаться возле дома было несложно. Питман попросил показать, где вход. Он хотел подъехать поближе, чтобы легче было загрузаться. Я не понял, о каком грузе идет речь, и пригласил их войти в дом.

В нашей просторной гостиной я устроил им настоящий вернисаж. Комментировала Леночка. Я выносил картины, мистер Питман мне усиленно помогал, выкрикивал восклицания, и после осмотра

отставлял картины — одни слева, другие справа.

Окончив просмотр, он заявил:

— Вот эти 14 картин я заберу сейчас.

— Как — заберу? — растерялись мы.

— Вы что, мне не доверяете?! Вот тебе на! Этого еще не хватало! Вся Филадельфия мне доверяет, а вы мне не доверяете. — Он даже покраснел от огорчения. — Хорошо. Я дам вам расписку, а завтра пришлю письмо. Я помогу тебе продать твои работы. При этом я возьму только 50 % комиссионных, не больше, чем любая галерея, хотя в них сидят одни бездельники, которые тебе не помогут ни на один цент.

У стены оставалась еще одна акварельная работа, больше похожая на шарж. На ней был изображен музей во время посещения его экскурсией колхозников. Посредине зала находилась обнаженная статуя микельанджеловского Давида. Ее окружили веселые колхозницы, которые хохотали, недвусмысленно указывая пальцем в определенном направлении и делясь впечатлением от увиденного.

— Эту работу мы покупаем, — сказала Сара. — Во сколько вы ее оцениваете?

— На последней выставке эпрайзер оценил ее в 400 долларов.

— Очень хорошо, — сказала практичная Сара. — Завтра я вам пришлю чек на 100 долларов.

— Почему сто? — удивился я.

— Как почему? Половина стоимости полагается нам, как вашим агентам. Остается 200. Сто долларов я вам уже дала при знакомстве. Остается 100.

Убийственная арифметика. Энтузиазма у нас поубавилось, но спорить не хотелось. Мы просто не знали что ответить. Чек на 100 долларов, обещанный Сарой, мы получили через два месяца после пяти напоминаний...

ПОЯВЛЕНИЕ МИСТЕРА БЕЙКОНА

В это время мои воспоминания прервало появление мистера Питмана, пригласившего меня в кабинет. Корифей архитектуры мистер Бейкон имел довольно скромный вид. Это был не очень молодой человек 87 лет, высокий, худой, седой, одетый в легкомысленную полосатую тенниску и согнувшийся под тяжестью огромного тома «Жизнь на Миссисипи».

— Мистер Бейкон — архитектор, вошедший в книгу лучших людей Америки, — представлял мистер Питман, — а это русский художник, еще пока не попавший в книгу лучших людей Америки, но я надеюсь, что с моей помощью он скоро туда попадет.

Мистер Бейкон, избавившись, наконец, от тяжелейшей «Жизни на Миссисипи», поведал мне, что он видел мои картины из серии «Наша Филадельфия», выполненные в акрилке, что они на него произвели очень сильное впечатление и даже довели до слез.

— Вы, очевидно, очень эмоциональный человек, — ответил я ему, — я не думал, что городской пейзаж может вызвать слезы. В таком случае перед картинами Каналетто вы, наверное, плачете навзрыд, а перед «Парижскими бульварами» Писсаро просто рыдаете.

Он ничего не понял и предложил приступить к делу. А дело заключалось в следующем. Мистер Бейкон решил представить эскизный проект реконструкции Independence Square — Площади Независимости. Это одна из основных исторических площадей Америки. Посредине ее шла эспланада для парадов с плитами и ступенями, которая никогда не использовалась. По обе стороны эспланады размещались павильоны с аркадами. Все это пустовало. Редкие прохожие забредали в эти колоннады по пустячному делу на минутку. Я уже давно приглядывался к этой площади и поэтому крайне оживился и заявил, что у меня есть конкретные предложения по ее реконструкции. Мэтр довольно сухо ответил, что архитектуру он уже решил, и поэтому мои предложения ему не

нужны, а он хочет использовать меня как художника.

— Сейчас у нас 30 арок, — сообщил он, — но это не беда. Мы доведем их количество до 50 — по количеству штатов. И каждая арка, каждый участок павильона будет представлять один штат. Там будет киоск для продажи сувениров, книг, картин и фотографий, а на торцовой стене будет ваша картина, посвященная наиболее интересным сооружениям и природным явлениям этого штата. Картина будет иметь размеры 10 на 20 футов. Всего вы должны будете написать 50 картин.

— Но это же гигантская работа! Расписать 10 тысяч квадратных футов стен...

— Я все предусмотрел. Вы не будете расписывать стены. Вы сделаете картины в той же технике, что и серия по Филадельфии, а мы их потом смонтируем в арках. Так что начинать вы сможете одновременно со строителями.

Я был ошеломлен. Перед моими глазами открылись фантастические горизонты. Вот я за рулем своего вэна разъезжаю по всей стране, изучая достопримечательности всех штатов, встречаюсь с губернаторами, а потом работаю в огромной мастерской, в которой помещаются шестиметровые холсты... В своих мечтах я несколько отвлекся, но тут мне пришлось насторожиться, потому что

дальше мэтр начал излагать чересчур экстравагантные мысли.

— После этого вы на фанере нарисуете наиболее популярных героев или характерных жителей этих штатов в натуральную величину, стоящих группами. Мы эти фанерные изображения вырежем и укрепим перед каждой аркой. И вот, представляете, приезжают туристы и фотографируются с наиболее интересными персонажами каждого штата на фоне ваших картин. Они делают 50 фотографий и получают альбом, как будто бы они объехали всю Америку.

Маэстро посмотрел на меня с победным видом. Я был страшно удивлен, с какой легкостью принимаются принципиальные архитектурные решения с помощью такого незатейливого материала, как фанера. У меня даже появились некоторые сомнения насчет состояния здоровья нашего творческого руководителя. Я представил себе площадь, по которой ходят ошеломленные туристы вперемешку с манекенами индейцев, господ в цилиндрах, дам в кринолинах, босяков и бродяг, вырезанных из фанеры (кстати, как насчет дождя), и перепуганных прохожих с фотоаппаратами, пристраивающихся к этим монстрам. Но спорить я не стал. Флаг вам в руки, господин Бейкон. Архитектор пусть рвется в бой, а я — художник-оформитель.

— Было бы интересно представить себе какой-нибудь пример.

Маэстро оживился.

— Вот, например, штат Миссури. Я для этого принес книгу «Жизнь на Миссисипи». Вы изображаете силуэт города Сан-Луис с гигантской аркой, а на переднем плане двухтрубный пароход плывущий по Миссисипи. О'кей?

— Насколько я знаю, эту гигантскую арку создал архитектор Сааринен относительно недавно, а двухтрубные пароходы уже давно исчезли.

— Это детали, не играющие никакой роли. Потом вы на фанере рисуете Тома Сойера, Геккльбери Финна и тетушку Салли в натуральную величину, а мы их вырезаем и ставим перед аркой. Каково?

— Ошеломляюще. А как насчет Тома Сойера, высеченного в мраморе вместе с тетушкой Салли?

— Нет, я думаю это будет слишком сложно. Я попрошу вас сделать эскизы через неделю. Я позабочусь о презентации.

Мистер Питман слушал нашу беседу с большим недоверием. Он так и не мог уловить всю грандиозность предстоящих фанерных шедевров. На этом наш нестойкий тройственный союз завершил свой первый митинг.

Я покинул заведение имени великого физика со смешанными чувствами: то ли мне предложили

серьезную работу, то ли втянули в скверную бесперспективную аферу. Я двинулся по Уолнут-стрит до Риттенхауз-сквера, прошелся по аллее и уселся на скамейку. Я любил это место. В центре Филадельфии мало зелени. И эти два островка — Вашингтон-сквер и Риттенхауз-сквер — очень меня привлекали. Особенно второй из них. Здесь проводились различные шоу. Ежегодно мы посещали грандиозную выставку цветов. Кроме того, здесь устраивались осенние выставки художников и сгайттеп (мастеров-прикладников). Эти шоу всегда меня удивляли.

В них участвовали художники-выпускники University of Art, Academy of Fine Art и просто университетов. Это я знал точно, так как возле каждого художника висела табличка с его

биографией и перечислением заслуг. Но здесь, в отличие от официальных выставок, не ставили инсталляций, не выставляли куски искаженного железа и перепачканные доски. Здесь царил соцреализм. Очевидно, желание что-нибудь продать брало верх над стремлением к оригинальности.

Молодые люди и девицы валялись на траве в рискованных позах — здесь это разрешалось. Хомлеса с увлечением копались в урнах, выуживая коробки для завтраков и бутылки кока-кола. Юноши и девушки громко беседовали, поглощая чизбургеры.

Больше всего мне нравилось то, что тут растут каштаны, такие же, как и в Киеве, с настоящими свечками, к которым мы так привыкли, и которые вызывали так много воспоминаний. Чувствовал ли я ностальгию? Очевидно, да. Но это была ностальгия не по сегодняшнему Киеву, а по городу, где прошла моя молодость и большая часть творческой жизни. Я любил Киев времен моей институтской учебы. Я любил Киев шестидесятых. Я с удовольствием вспомнил свой родной институт с инфантильным названием КИСИ, куда я, нагруженный чертежными досками, добирался на трамвае номер 2.

ИНСТИТУТ (дела давно минувших дней)

— Молодой человек, вы на Евбазе выходите?

— Да-да! Выхожу, не толкайтесь. Здесь все выходят.

Я пробил себе дорогу двумя чертежными досками, и, выслушав не совсем лицеприятные комментарии пассажиров, вывалился из трамвая. Здесь уже давно не было еврейского базара, но название оказалось настолько живучим, что его ничто не могло изменить. Раньше это была Галицкая площадь, но все называли ее Евбаз, в 1952 году ее переименовали в площадь Победы, однако название Евбаз осталось.

Еще не было ни цирка, ни Центрального универмага, ни гостиницы «Лыбидь». Еще не построили парадные пропилеи из двух жилых домов с угловыми надстройками, в одном из которых был Аэрофлот, а в другом-гостеприимная квартира замечательного кинорежиссера Сергея Параджанова. Всего этого еще не было, но рынок уничтожили, площадь пустовала, и все равно ее

называли Евбаз. Только в воспоминаниях старожилов остались легенды о бурной жизни старого еврейского базара, о хитроумных продавцах и колоритных покупателях, о неповоротливых балагулах, о богатыре-грузчике Иосифе по прозвищу Лампадка. Он приходил на рынок очень рано с жестокого похмелья, снимал шапку с какого-нибудь незадачливого еврея, выглядевшего поприличнее, поднимал одной рукой 10-пудовый ларек и клал шапку под него, предварительно подложив газетку. После этого он вежливо обращался к господину:

— Уважаемый, я очень извиняюсь. Вам бы хотелось получить свою шапку, а мне хотелось бы получить гривенник поправить здоровье. Я думаю, мы договоримся. Ведь здесь же базар.

На него не обижались, ибо это уже была традиция. Получив гривенник, он вежливо благодарил, возвращал шапку и шел поправлять здоровье молодым молдавским вином.

Сейчас от всех базарных дел остались только две скобяные лавки в старом доме.

Я шел по Брест-Литовскому шоссе. Ярко светило солнце, снег скрипел под ногами, настроение было прекрасное — последний курс, диплом и впереди масса интересных дел: проекты, конкурсы, новостройки. Я повернул за угол, прошел мимо табачной фабрики и подошел к

портику института. Обычно в это время здесь было оживленно, масса студентов и студенток с досками, этюдниками и сумками, шум, гам, приветственные возгласы. Но сегодня была тоскливая пустота — еще не кончились каникулы.

— А ты чего явился? — проворчал Маркелыч, дежурный на входе. — Дома не сидится? Можешь еще два дня прохлаждаться.

Маркелыч должен был проверять студенческие билеты, но он знал всех студентов в лицо. Курсы на архитектурном факультете были маленькими — по 25 человек, да и половина билетов были просроченными. Творческая молодежь не отличалась большой аккуратностью.

— Небось в рисовальный класс, малевать не терпится. Антигноя, небось.

Маркелыча когда-то засунули в инвентаризационную комиссию как представителя хозчасти. На него сильное впечатление произвели гипсы в рисовальном классе — особенно Антиной. Впоследствии он комментировал:

— Представьте себе, все мужики голые, а один даже со снятой кожей. А головы у них есть красивые. Особенно Антигной — инвентарный номер 1423.

С тех пор он не упускал случая блеснуть своей эрудицией. Сейчас Маркелыч явно скучал.

— А зачем доски? Сдавать, небось? Только и знаете носить туда-сюда. Сидели бы себе в институте и вкалывали. А что у тебя за книга?

— Диккенс.

— Не знаю такого романа. А сколько она стоит?

Я взглянул на обложку.

— Одиннадцать рублей.

— Я тебе вот что скажу. Если это про войну, то она таких денег не стоит, а если про любовь, то это сплошной обман зрения. Вот, например, у меня Арбузов книгу оставил — 17 рублей, а я глянул — одни разговоры.

Я понял, что литературный диспут может затянуться и поспешил ретироваться. Арбузов — проректор по хозяйству — был для него непререкаемым авторитетом, а для нас, студентов, его мощная фигура — хорошим объектом для карикатур. Говорили, что когда он встречался с Юровским — корифеем конструкторов, имеющим аналогичную комплекцию, то для рукопожатия они заходили боком друг к другу, так как напрямую руки не дотягивались.

Я поднялся на второй этаж, оставил доски на кафедре конструкций и пошел по коридору. Это место студенты не очень любили. Здесь чувствовалась власть Дубины и в прямом, и в переносном смысле. Тут располагалась кафедра

марксизма-ленинизма и кабинет ее бессменного руководителя — доцента Дубины. С ним у всех архитекторов были постоянные конфликты. Во всех юмористических газетах он выискивал крамолу и требовал эти газеты снимать. Последняя стенгазета прошлого семестра была посвящена бурному комсомольскому собранию по вопросам излишеств в архитектуре. Газета имела 10 метров длины, и в основу ее была положена «Вакханалия» Рубенса, которая по теме и по накалу соответствовала событию. Сначала преподаватели посмеивались, но когда славный доцент Дубина увидел себя в виде козлогого сатира да еще с нимфой (ассистенткой кафедры), судьба газеты была решена.

У меня с ним возник конфликт еще на втором курсе, когда он после всех моих, трудом и потом заработанных, пятерок по другим предметам, вlepил мне тройку по марксизму. Когда я пришел к нему пересдавать, он отнесся ко мне весьма скептически.

— Марксизм — это не тот предмет, который можно выучить за две недели. Это тебе не сопромат.

Он сидел с кислой физиономией и слушал мои ответы. И только, когда я сказал, что первые произведения Сталин опубликовал в газетах «Ахали Цховребо» и «Дро», он страшно удивился:

— Ты что, грузинский знаешь? Ведь ты же еврей.

— Да, я не грузин, но эти слова я выучил специально, из любви к товарищу Сталину, — ответил я, не моргнув глазом.

Сработало. Он переглянулся со вторым экзаменатором и тихо исправил отметку.

Я прошел по коридору и заглянул в крайнюю аудиторию. Там сидели два студента, очевидно, третьекурсники, так как между ними лежал конспект по статике сооружений. Они сидели по обе стороны стола и лихорадочно переписывали формулы с конспекта на шпаргалки. Я подошел поближе.

— Чего такое рвение? С Платоновной не смогли договориться?

— Берем измором. На третий заход уже идем.

— Вот тут вы неправы. Алла Платоновна Бажан дама строгая, но не жестокая, как некоторые марксисты. Вы бы ей стихи ее брательника почитали, она бы и смягчилась.

— Ты насоветуешь. Тут ни одной эпюры не запомнить, а ты еще стихи. Ну тебя!

— Не груби старшим. А, кстати, ты почему переписываешь вверх ногами?

— А мне все равно. Я эти формулы рисую как орнамент.

— В тебе погибает большой художник-декоратор. Кстати, ты, говорят, здорово красишь. Мне нужен будет «китаец» через месяца два.

— За так или за коньяк?

— Конечно за так, но второе, естественно, само собой. Уважай традиции, тогда и тебе не дадут погибнуть в трудную минуту.

По традиции старшекурсники помогали дипломникам делать проекты. Этих добровольных помощников называли в Киеве «китайцами», в других городах по-другому: «негры», «рабы» и т. д. «Китайцы» частенько знали проект лучше, чем дипломник, и на защите подсказывали. Небезызвестен случай, когда нерадивый дипломник, защищая проект аэровокзала, на вопрос члена комиссии, что это за помещение на плане подвала, обозначенное «кл.», задумавшись, ответил: «А это клозет. Я, знаете ли, специально так написал. Уборная — грубо, а туалет как-то не по-русски». «Ну, а рядом, что это за «кл.»? «А это дамский клозет». «А на правой части плана, посмотрите, там 8 таких клозетов». «Ну, знаете, все-таки аэропорт — много посетителей». «А внизу?» И тут его «китаец» не выдержал и сказал громким шепотом: «Кладовые, дубина!» Завкафедрой марксизма-ленинизма Дубина нервно передернулся и мрачно посмотрел в зал.